

РАЗГОВОРЪ
между
ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ
ИМПЕРАТОРОМЪ ВСЕРОССІЙСКИМЪ
и
КАРЛОМЪ XII.
КОРОЛЕМЪ ШВЕДСКИМЪ,
о
СЛАВѢ ПОБѢДИТЕЛЕЙ,

сочиненный
Господиномъ Ваттелемъ
Совѣтникомъ Его Свѣтлости
Курфирста Саксонскаго.

Съ Французскаго
на Россійской языкъ
переведенъ
Лейбгвардіи Коннаго полку Вахмистромъ
Петромъ Муравьевымъ.

Въ Санктпетербургѣ, 1778 года.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

БИБЛИОТЕКА

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Милостивому Государю,

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДАВЫДОВУ,

отъ армїи

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУТЧИКУ,

Лейбгвардїи Коннаго полку

ПРЕМIЕРЪ-МАIОРУ

и

Ордена святыя Анны

КАВАЛЕРУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Желая засвидѣтельствовать достодолжную Вашему Превосходительству благодарность за оказанныя Ваши ко мнѣ милости, не нахожу лучшаго къ тому средства, какъ посвятить имени Вашему новые сіи упражненія моего въ наукахъ плоды, которые по истиннѣ сами собою весьма малы, но великаго къ Вашему Превосходительству усердія моего

моего всегдашним будут доказательством. Щастливым себя почту, естьли Ваше Превосходительство, удостоить соизволите милостиваго Вашего прiятiя и сей мой труд, которой, равно как и себя, препоручая в дальнѣйшее Вашего Превосходительства покровительство, честь имѣю быть с наиглубочайшим почтенiем

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

всепокорнѣйшiй слуга
Петръ Муравьевъ.

РАЗГОВОРЪ
О
СЛАВѢ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

КАРЛЪ XII. Я слышу, что на землѣ называютъ тебя Великимъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Я признаюсь, что славный сей титулъ, который по смерти моей утвержденъ мнѣ

 поддан-

подданными моими и всѣми народами, весьма меня веселитъ.

КАРЛЪ XII. Правда, что ты побѣдилъ меня подъ Полтавою; однако не можешъ столько славиться сею побѣдою. Нещастливыя тогдашнія мои приключенія подали тебѣ къ тому много выгоды. Я былъ раненъ, и когда надлежало сражаться, не могъ сидѣть на конѣ: храбрые мои Шведы имѣли недостатокъ въ порохѣ и въ самыхъ нужнѣйшихъ вещахъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Я бы могъ тебѣ сказать, что разумное поведеніе есть весьма нужное качество для великаго полководца, и что не мало требовалося труда и искуства, чтобы довести тебя до непріятнаго твого состоянія, которое мнѣ утвердило побѣду: но скажу тебѣ лучше просто, что я не обязанъ моей по-

бѣдѣ симъ титуломъ, который меня и въ самой сей жизни веселитъ, и составляетъ не малую часть моего щастія.

КАРЛЪ XII. Скажи же пожалуй, чемъ ты оной приобрѣлъ? Побѣдить Карла XII. и его Шведовъ, какимъ бы то образомъ ни было, дѣло, кажется мнѣ, не только нарочито славно, но и знаменитѣйшее изъ всѣхъ въ твоей жизни.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. По крайней мѣрѣ оно было полезнѣйшее и нужнѣйшее, для того, что ты сдѣлался напослѣдокъ непримиримый; и необходимо нужно было, или тебя побѣдить, или самому погибнуть. Но не ужъ ли ты остаешся еще въ прежнихъ твоихъ мысляхъ, и почитаешъ славу оружія за наидостойнѣйшую въ монархѣ; и не думаешъ ли, что выиграніе одной баталіи

составляетъ все то, что онъ можетъ сдѣлать наивеличайшее.

КАРЛЪ XII. Оставимъ сїи разсужденїя: рѣчь теперь у насъ только о томъ, что составляетъ людямъ славу на землѣ. Я не нахожу ничего славнѣе великаго полководца, за которымъ повсюду слѣдуетъ побѣда, и который опредѣляетъ судьбу народовъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Безъ сомнѣнїя такого полководца можно почитать за весьма важнаго человѣка: онъ много заставляетъ о себѣ говорить, и имѣетъ великую силу: но все сїе не составляетъ истинной славы. Неронъ давалъ законы наибольшей части извѣстныхъ тогда народовъ; власть его была чрезмѣрна; говорили о немъ много: но ты не захочешъ имѣть подобной ему славы. Хорошая слава состоитъ въ добрыхъ мнѣ-

мнѣнїяхъ, которыя о насъ имѣютъ люди. Сїи то добрыя о насъ мнѣнїя, ежели они относятся къ величайшимъ и славнѣйшимъ предмѣтамъ, производятъ истинную славу.

КАРЛЪ XII. Однимъ словомъ: слава состоитъ въ томъ, чтобы почитаему быть отъ всѣхъ за великаго человѣка.

ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ. А великїй человѣкъ есть тотъ, который, не давая воли своимъ пристрастїямъ, соединяетъ въ себѣ многїя рѣдкїя и изящныя качества.

КАРЛЪ XII. И такъ, сїи то качества дѣлаютъ человѣка великимъ воиномъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ. Безъ сомнѣнїя должно имѣть великїя добродѣтели и отмѣнныя дарованїя, чтобы

прославить себя на войнѣ. Я не хочу теперь еще разыскивать того, могутъ ли воинскія сіи добродѣтели снискать больше почтенія въ свѣтѣ, нежели тѣ, которыя дѣлаютъ людей великими въ другомъ родѣ. Но между тѣмъ надобно знать, что разумѣется подъ именемъ изящныхъ качествъ: они должны быть полезны роду человѣческому. Станутъ ли люди почитать за изящныя качества тѣ, которыя имъ пагубны; и будутъ ли они приписывать имъ блистательную ту славу, привлекающую ихъ къ снисканію оныхъ. Я не думаю, чтобъ они дошли до такого безумія. Представимъ себѣ двухъ химиковъ въ наукѣ своей равно искусныхъ: одинъ составляетъ полезныя лѣкарства для облегченія немощей человѣческихъ, какъ Бургавъ: другой изыскиваетъ разные составы къ человѣкогубительству, какъ то злодѣйный тотъ ученикъ Локустинъ,

кото-

котораго искусство можетъ быть пріятно одному только Нерону. Я сравниваю перваго съ великимъ полководцемъ, который сражается для защищенія своего отечества; другой жестокимъ своимъ варварствомъ подобенъ кровожаждущему воину, который изъ одного только славолюбія отнимаетъ жизнь у людей. Теперь можешъ ты видѣть, что слава не отъ однихъ дарованій зависитъ; но она должна быть наградою за полезное употребленіе хорошихъ дарованій тѣмъ, которые знаютъ ихъ на такой конецъ употреблять. Картушъ былъ человѣкъ отважный, острый и замысловатый: онъ бы могъ. . .

КАРЛЪ XII. Ахъ! не дѣлай пожалуй непріятныхъ такихъ сравненій.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Они язвительны только могутъ быть для горделиваго, который думаетъ удивить

вить свѣтъ своею славою, наполняя оный огнемъ и кровопролитіемъ. Но, оставя всѣ предразсужденія, такой несправедливый побѣдитель, который опустошаетъ цѣлыя провинціи и государства, который по всюду несетъ за собою бѣдность и смерть, не ужаснѣе ли, не пагубнѣе ли для человѣчества, и слѣдовательно не ненавистнѣе ли онъ еще людямъ покажется, нежели Картушъ? Подумай только о ненавистныхъ его дѣлахъ; вообрази ихъ въ мысляхъ твоихъ. Но что я говорю, вообрази! Они привели бы тебя въ превеликой ужасъ. Довольно будетъ легкаго только начертанія оныхъ. Посмотри на разоренные города; на запустѣлыя селенія и пашни, лишенныя своихъ дѣлателей; цѣлые народы преданные голоду; сто тысящь человѣкъ умерщвленныхъ руками своихъ собратій, коимъ они ни малѣйшей досады не сдѣлали; еще двѣсти тысящь

сящь другихъ, которые погибаютъ отъ несносныхъ трудовъ и болѣзней, соединенныхъ всегда съ войною; тысящи разоренныхъ семей, претерпѣвающихъ во всемъ недостатокъ; превеликое множество неутѣшно оплакивающихъ смерть отцовъ, мужей, братьевъ и сыновей, на которыхъ они всю свою надежду полагали; цѣлое государство въ плачевномъ одѣянiи; весь народъ объятый ужасомъ и печалiю; науки и художества пришедшiя въ унынiе, славу ихъ уничтоженную; а вмѣсто оныхъ, на холмѣ ихъ развалинѣ усилившееся необузданное своевольство безпорядокъ, наглость и варварство. Не справедливо ли сказалъ великiй тотъ стихотворецъ: Сколь мы безразсудные судiи, которые удивляемся таковымъ дѣламъ!

КАРЛЪ XII. Великiй стихотворецъ, о которомъ ты здѣсь упоминаешъ,

наешъ, справедливо осуждалъ безразсудное сїе удивленїе людей. Оно то прельщаетъ и портитъ храбрость великихъ людей. О! естьлибъ я подумалъ больше о ужасныхъ тѣхъ и бѣдственныхъ слѣдствїяхъ войны, нежели о тщетной славѣ побѣдъ; то доволенъ бы я былъ отдаленїемъ только моихъ непрїятелей, могъ бы сдѣлать славный миръ; и подданные мои вмѣсто того, что они въ унынїи удивлялись излишеству моей храбрости, прославляли бы и донынѣ мою память. Но ты самъ, который теперь описываешъ толь живо ужасныя разоренїя отъ войны, развѣ забылъ, что ты первой принялъ противъ меня оружїе, и что въ мирныхъ съ твоей стороны предложенїяхъ никогда не хотѣлъ согласиться, возвратить мнѣ ту провинцїю, въ которой ты построилъ твой Санктпетербургъ?

ПЕТРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Требованіе мое весьма различно было отъ требованій другихъ побѣдителей. Я старался только возвратить то, что предки твои у моихъ отняли; и принявъ намѣреніе исправить нравы подданныхъ моихъ чрезъ коммерцію, для установленія выгоднаго государству моему сообщенія съ другими Европейскими державами необходимо надобенъ мнѣ былъ портъ на Балтійскомъ морѣ: благополучіе моего государства не дозволяло мнѣ уступить стариннаго владѣнія, которое я щастливо возвратилъ.

КАРЛЪ XII. Ты мнѣ столько говорилъ о выжженныхъ и опустошенныхъ провинціяхъ; я отъ сего, сколько можно было, удалялся: но ты самъ опустошилъ нѣсколько собственныхъ твоихъ провинцій, для того только, чтобы воспрепятствовать мнѣ войти внутрь твоего государства.

ПЕТРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Сколь же должны быть ужасны слѣдствія войны, когда оная можетъ принудить и самаго государя, отца своихъ подданныхъ, къ разоренію нѣкоторой части своего государства, для спасенія только остатка онаго!

КАРЛЪ XII. Я въ томъ согласенъ теперь съ тобою. Ни чего нѣтъ ужаснѣе, какъ несправедливая война, и государь, который начинаетъ оную, заслуживаетъ отъ всѣхъ людей презрѣніе: но чтобы кто ни говорилъ; однако, не разсуждая теперь о справедливости притчины, удивляются такому воину, который имѣетъ великіе и скорые успѣхи. Какое же изъ сего должно слѣдовать заключеніе кромѣ того, что качества, которыя дѣлаютъ великимъ воиномъ, по общему мнѣнію столь высоки, что они нѣкоторымъ обра-

зомъ заглаждаютъ несправедливость его предпрїятїй.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Ты принуждаешъ меня вспомнить еще о нѣкоторомъ непрїятномъ сравненїи. Не думаешъ ли ты, что смѣлость или лучше сказать дерзость и дарованїя какого нибудь злодѣя заслуживаютъ нѣкоторую славу? Станешъ ли ты удивляться ненавистной хитрости змеи, которую она употребляетъ къ уловленїю своей добычи, и силѣ ея въ пожиранїи оной.

КАРЛЪ XII. Никакъ: но станемъ говорить о самыхъ только дарованїяхъ, не вступая въ разсужденїе о употребленїи оныхъ. Тѣ, которыя дѣлаютъ воина героемъ, не превосходятъ ли всѣ протчїя качества, чрезъ которыя достигаютъ титулъ великаго человѣка.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Ты можетъ быть не думаешъ, чтобъ я осмѣлился тебѣ въ семъ попротиворѣчить: однако посмотримъ, основательно ли я скажу. Которыя существенныя качества великаго полководца? Храбрость, великія намѣренія, предусмотрительность; острый, проницательный и скоропостигающій разумъ. . .

КАРЛЪ XII. Я больше сего и не требую. И такъ не заслуживаетъ ли уже и сіе великой славы?

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Что касается до храбрости; то оная безъ сомнѣнія похвальное качество: но она необходимо нужна всякому честному человѣку: и такъ не можно хвалиться много такимъ качествомъ, котораго стыдно не имѣть.

КАРЛЪ XII. Правда: кто не имѣетъ храбрости, тотъ не долженъ называться человѣкомъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Кромѣ того сїе качество не можно почитать за рѣдкое достоинство; ибо оно въ воинствѣ обыкновенно: большая часть твоихъ гранадеровъ, и простые твои солдаты столько же были храбры, какъ бы и самый Александръ.

КАРЛЪ XII. Однако сїя храбрость не составляетъ еще всего мужнѣйшаго качества для великаго воина: ему надобна твердость духа, непоколебимое постоянство для достиженїя великихъ намѣренїй, для снесенїя противныхъ приключенїй и для преодолѣнїя всѣхъ трудностей.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Я признаю охотно, что сей родъ храбрости заслуживаетъ

служиваетъ удивленіе въ такомъ воинѣ, который предпринимаетъ и исполняетъ сколько справедливыя, столько же великія и трудныя намѣренія: но та же самая храбрость въ несправедливомъ побѣдителѣ, который веселится только пролитіемъ крови человѣческой, не иное что будетъ, какъ упрямство и неистовство.

КАРЛЪ XII. А! Ты опять хочешъ говорить о добромъ или о худомъ употребленіи дарованій: но мы согласились было на нѣсколько времени о семъ не разсуждать, а говорить только о самыхъ дарованіяхъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Что касается до склонностей, которыхъ знаменованіе зависитъ точно отъ употребленія оныхъ; то они бываютъ пріятны и почтенія достойны, ежели клонятся къ добродѣтели и справедливости: но напротивъ того

заслу-

заслуживаютъ презрѣнїе и ненависть, ежели несправедливость и злость употребляютъ оныя во вредъ людямъ. Дарованїя Тиверїевы, его проницательность, сокровенность, ухищренїя, возбуждали въ немъ злобу, и служили ужасными орудїями его тиранству: напротивъ того въ добромъ государѣ таже способность, и таже прозорливость были бы только добродѣтельми.

КАРЛЪ XII. Я вижу, что ты хочешъ тоже сказать и о другихъ дарованїяхъ великаго полководца.

ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ. Конечно. И какъ бы ты назвалъ великимъ то, что не служитъ къ пользѣ рода человѣческаго? Заслуживаетъ ли то славу, что ему вредно? Но разсмотримъ теперь сїи качества, положивъ, что оныя не опорочены худымъ

дымъ ихъ употребленіемъ. Они безъ сумнѣнія весьма достойны почтенія; и очень рѣдко случается, видѣть оныя во всемъ ихъ совершенствѣ. Одаренный оными добродѣтельный человѣкъ конечно заслуживаетъ великое почтеніе: только я не соглашусь дать ему преимущества предъ другими въ разсужденіи прочихъ ихъ хорошихъ качествъ. Не ужъ ли воинское искуство превосходитъ всѣ дарованія разума человѣческаго? Есть вещи, которыя требуютъ можетъ быть еще больше знанія и высочайшихъ дарованій; какъ на примѣръ изслѣдыванія истинныхъ философовъ, глубокія соображенія законодавца, искусство правленія. Въ доказательство скажу только то, что великихъ воиновъ больше найти можно, нежели великихъ законодателей и великихъ государей, такъ какъ и великихъ философовъ, ораторовъ и стихотворцовъ.

КАРЛЪ

КАРЛЪ XII. Общее мнѣнїе не служитъ здѣсь къ твоему доказательству: ни что не можетъ сравняться со славою великихъ воиновъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Какъ? Ликургъ и Сократъ меньше ли славны были, нежели наивеличайшїе полководцы ихъ вѣка? Кто бы не далъ преимущества славѣ Цицероновой предъ Марїусовой?

КАРЛЪ XII. Однако я не слышу, что бы кто назвалъ Ликурга и Цицерона великими, такъ какъ говорятъ: Александръ великїй, Помпей великїй, Генрихъ великїй. Титулъ сей понынѣ относился всегда къ славѣ воинской, какъ наиблистательнѣйшей.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Она въ самомъ дѣлѣ покажется блистательною глазамъ простаго народа: но

 между

между тѣмъ надобно знать, что одно воинское достоинство никому не приобрѣло имени великаго. Александръ, Помпей, Генрихъ IV. не только были великїе полководцы, но они приобрѣли себѣ похвалу еще и другими своими дѣлами. Послушай, что Французы говорятъ о любезномъ семъ королѣ, о которомъ ты теперь упомянулъ. Ты не услышишъ, чтобъ они больше всѣхъ его дарованїй прославляли въ немъ удивительное его мужество: но они почитаютъ его за кротость его и человѣколюбїе, за мудрое его правленїе, за попеченїе, которое онъ прилагалъ о своихъ подданныхъ, и за великую его къ нимъ любовь. Аттила былъ ужасный воинъ, но несправедливый, и жестокосердый. Онъ дѣлалъ великїя дѣла и славныя побѣды: но ни кому не приходило на умъ назвать его великимъ. Хочешъ ли, чтобъ я представилъ

тебѣ

тебѣ примѣръ совсѣмъ сему противной? Титъ подлинно былъ великїй полководецъ: взятїе Iерусалима, который защищаемъ былъ ужаснымъ множествомъ отчаянныхъ людей, принеслобы вѣрно другому славу: но когда говорятъ о Титѣ, о воинскомъ его достоинствѣ почти и не упоминаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, что еще присовокупить къ славѣ такого государя, котораго уже назвали утѣшенїемъ рода человѣческаго?

КАРЛЪ XII. Видалъ ли ты когда нибудь, чтобы весь городъ выбѣжалъ на встрѣчу самому славнѣйшему Философу? Напротивъ того не успѣютъ только объявить о прибытїи славнаго воина, то всякъ къ нему бѣжитъ, всѣ желаютъ его видѣть; не могутъ на него насмотрѣться, о немъ только и говорятъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Я уже тебѣ сказалъ, что такой воинъ представляетъ только сильнаго человѣка: вотъ что наибольше дѣлаетъ его важнымъ въ обществѣ, и заставляетъ людей искать его дружества. Въ доказательство сказанному мною теперь служитъ то, что какъ скоро монархъ, хотя безъ всякихъ достоинствъ, но весьма сильный, или фаворитъ его, какъ скоро, говорю я, покажется въ какой городъ, всѣ люди бѣгутъ его смотрѣть; напротивъ того таже толпа не обратитъ своего вниманія къ человѣку наивысочайшаго ученія: но потомство, котораго мнѣнія, изъяты будучи отъ всякаго пристрастія, основательнѣе, и слѣдовательно справедливѣе, признаетъ и изобличитъ несправедливость въ присвоеніи первому преимущества предъ послѣднимъ, даваемаго по одному только народному пристрастію Забытъ бы былъ Ахиллъ, естьли бы

Гомеръ

Гомеръ не содѣлалъ имя его безсмертнымъ. Слава высокопарнаго сего стихотворца гораздо больше славы всѣхъ его героевъ вообще. Великій Агамемнонъ, премудрый Улиссъ, храбрый Ахиллъ не стоятъ безпримѣрнаго Гомера.

КАРЛЪ XII. О семъ хорошо только говорить съ учеными: но большая часть людей едва ли имѣютъ какое понятіе о высочайшихъ умахъ; а удивленіе свое устремляютъ только на героевъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Сказать ли тебѣ, чему приписываю я сіе удивленіе въ простомъ народѣ? Сущей его слабости, страху и сильному воображенію, которое въ мысляхъ его вперяется отъ мнимой имъ опасности. Чемъ больше боятся напасти, тѣмъ болѣе почитаютъ храбрость и воинскія дарованія, которыми надѣются защитить себя отъ

оной.

оной. Тогда взирают на славнаго воина съ нѣкоторымъ подобострастїемъ, ищутъ его покровительства и приязни. Хочешъ ли на то доказательства? Женщины весьма почитают храбрость: никакое достоинство, никакая добродѣтель не плѣняетъ ихъ такъ сильно, какъ оная.

КАРЛЪ XII. Примѣчанїе твое можетъ быть нѣсколько справедливо: но между тѣмъ и то правда, что и храбрые люди сами почитаютъ великихъ воиновъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ. Но естьли я тебѣ на то скажу, что и сїе также принужденное мнѣнїе, происходящее отъ слабости, соединенной съ гордостїю, что герой воинскїй самъ о себѣ много думаетъ и чрезъ мѣру уважаетъ свою храбрость.

КАРЛЪ

КАРЛЪ XII. О! ты уже очень тонко о семъ разсуждаешъ. Не учился ли ты метафизикѣ въ новой своей Санктпетербургской Академіи?

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Не худо бы можетъ быть было, естлибъ и ты поучился нѣсколько сей наукѣ, которая научила бы тебя, что судьба не иное что есть, какъ связь притчинъ и слѣдствій; и не все бы равно было, ходить безъ всякой осторожности передъ пушечными батареями, или сидѣть спокойно въ траншеяхъ. Но оставимъ шутки: что я теперь говорю, не заключаетъ въ себѣ никакой чрезвычайности. Естьлибы кто не думалъ о себѣ, что онъ можетъ быть побѣжденъ и претерпѣть самъ отъ другихъ напасти; то могъ ли бы онъ полагаться на храбрость и на другія дарованія, могущія въ нужномъ случаѣ увѣрить его о преимуществѣ? Положимъ на примѣръ,

 что

что вдругъ пренесенъ бы ты былъ на такой островъ, на которомъ бы находились жители четырехъ только или пяти лѣтъ дѣти: то бы ты конечно могъ увѣренъ быть о преимуществѣ своемъ въ храбрости и въ воинскихъ дарованіяхъ?

КАРЛЪ XII. Но скажи мнѣ, пожалуй, не ужъ ли ты и въ самомъ дѣлѣ столь мало уважаешъ воинскую славу?

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Я никогда оной не призиралъ: но напротивъ того, какъ я всегда признаю, что слава должна быть соразмѣрна пользѣ самыхъ дѣлъ, трудности оныхъ, величеству дарованій, которыя требуются къ произведенію оныхъ, и опасностямъ, съ которыми соединены бываютъ; то и соглашаюсь охотно, что воинъ, который храбростію своею и искуствомъ сохранилъ государство, заслуживаетъ у людей

великое

великое почтенїе; однако не столько, сколько разумные и просвѣщенные государи, которые суть прямые отцы своихъ подданныхъ и благотворители роду человѣческому.

КАРЛЪ XII. О! теперь я понимаю твои мысли, и кажется вижу, чемъ ты приобрѣлъ имя великаго.

ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ Конечно такъ, Государь! Ты видишъ; и я теперь увѣренъ, что ты не оспоришъ мнѣ въ сей справедливости. Я исправилъ нравы обширнаго государства, которое я получилъ отъ предковъ моихъ погруженное почти въ совершенномъ невѣжествѣ; я завелъ въономъ науки, художества и торговлю; набралъ и устроилъ многочисленныя армїи; къ войнѣ приучилъ оныя въ твоей школѣ; соорушилъ флотъ; установилъ хорошїе законы: по чему и владычествуютъ теперь въ областяхъ моихъ порядокъ,

докъ, тишина и изобиліе. И такъ, естьли Россіяне щастливы теперь и покойны, естьли они держаться будутъ показаннаго имъ пути, и щастіе имъ послужитъ знаніями своими и благонравіемъ сравняться съ другими Европейскими народами; то они за все то мнѣ одолжены. Какая это слава, другъ мой, для монарха! Какой источникъ наибезпорочнѣйшей утѣхи и увеселенія! Сіе утѣшеніе слѣдовало за мною и въ самое царство мертвыхъ, и всякую минуту вижу, что удовольствіе мое возрастаетъ. Я слышу, что достойная Дщерь моя слѣдуетъ теперь по стезямъ моимъ: подданные ее обожаютъ, иностранные почитаютъ; владѣніе ея считается между первѣйшими и сильнѣйшими въ свѣтѣ. Слава ея простирается отъ предѣловъ Китайскихъ даже до самой Франціи, и всѣ ея союза ищутъ. Она повелѣваетъ сильными арміями, уважаемыми какъ въ разсужденіи ихъ

храбрости,

храбрости, такъ и многочисленности, которыя однако не употребляетъ она какъ только для безопасности своихъ подданныхъ и для защищенія своихъ союзниковъ. Славные воины дѣлались иногда разорителями своего отечества; но я моего напротивъ того остался созидателемъ.

